

ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

УДК 304.9

К.Ф. Завершинский

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Представлены познавательные возможности семантического анализа гражданского общества посредством исследования концептуальной схемы пространства и времени политической коммуникации. Отмечено, что более перспективно понимание гражданского общества как процесса смыслового конструирования для политической легитимации порядка сосуществования общества и власти.

Несколько лет назад при обсуждении в аудитории обществоведов вопроса о приоритетах в практике политического просвещения молодежи и политологической интерпретации реалий российской политики весьма влиятельный чиновник и идеолог кремлевской администрации, «корректируя» ход дискуссии, бросил реплику: «Канты нам не нужны...». Как показывает политическая практика, подобное высказывание не только идеологическая риторика, но презентация «правды жизни» институционального дизайна политического пространства и времени «современной» России. Выборы Государственной думы и Президента Российской Федерации свидетельствуют, что институциональное конструирование пространства и времени «суверенной демократии» может осуществляться политической бюрократией в содружестве с политтехнологами без «устройства» и «учреждения» «государственно-гражданского» пространства и «провидения» гражданской культуры как «идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (И. Кант).

Нельзя не признать, что представители нынешней высшей политической элиты страны пытались, особенно в рамках второго срока президентства В. Путина, принять и реализовать решения, значимые для стабилизации политического и социально-экономического состояния российского общества. Но может ли политика приобрести стратегическое измерение, если у политической элиты отсутствует рефлексивность «современности» в видении политических горизонтов эволюции общества и ответе на вопрос об основаниях политической солидарности как источника мотивации инновационной активности? Политическая риторика о пространстве свободы личности и достижении правового состояния, активизирует у части населения политическое «воображение» при избирательных кампаниях, но явно не побуждает «подданных», в том числе политическую бюрократию, к инновационной и социально-ответственной деятельности. Достаточно очевидно сохранение существенного разрыва между «предложением» власти реализовать значимую для «каждого» (гражданскую), а не только для олигархически-бюрократических групп политику и реальной практикой принятия и реали-

зации политических решений, что не может не вести к риску «высокой инфляции» власти в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Правящий класс России на последних выборах в очередной раз предпочел процедуру получения «народного изволения» «пользоваться его силами», не предпринимая реальных попыток институционализации «подданных», «слуг» в *граждан*, которые «сами себе господа» и «не служат никому, кроме общества» [1. С. 296–299]. Пространственные границы российской политической действительности, как и в советские времена, предопределяются не столько конституционным порядком, фиксирующим полномочия «суверенного государства» и «гражданского общества», сколько практическими схемами «распадающейся империи» (А.Ф. Филиппов), когда установление однородного политического пространства и консолидированного «суверенного государства» зиждется не на идее гражданской солидарности, а на «корпоративном оппортунизме» государственной бюрократии.

Столь же отчетливо сохраняется потенциал политических рисков при наблюдении специфики оформления временных измерений «русской власти». Весьма очевидно, что при риторических призывах «Россия, вперед» в сознании политических элит сохраняется доминирование «вечности повседневности», так как политическая «биография» личности и «историография» страны конструируются и легитимируются посредством процедуры «назначения доверенного лица». Как следствие – размытость «событийных точек отсчета времени» в сознании правящего класса при попытке стратегического конструирования политического «прошлого» и «будущего» России. Это предопределяет видение политическими агентами «реплик», моментов политической повседневности как «исторических обобщений», чему содействуют создаваемые политтехнологами и СМИ симулякры имперской политической истории, когда конъюнктура «политического гламура» облекается в глянце-вые одежды «Третьего Рима». И наоборот, исторический гражданский план отождествляется с семантической схемой жизненного благополучия «до» и «после» события явления очередного судьбоносного лидера. Симптоматично, что недавние попытки стратегического планирования, выразившиеся в идеологической артикуляции «плана Путина», актуализируют преимущественно «события» социально-экономического будущего России. Акцент сделан на значимости «масштабных инвестиций в человеческий капитал» («образование, здоровье, в качество жизни») и «развития человека» как «основной цели и необходимого условия прогресса современного общества», «абсолютного национального приоритета», «ключевой идеи развития страны» [2, 3]. Но как обеспечить эффективное инвестирование в «человеческий капитал» при существующей культурной сегментации российского общества без решения задачи становления гражданской нации и «активации» гражданской культуры как специфического способа маркирования событийного ряда «истории»?

Можно обойтись без «кантов», то есть осмысления пространственно-временных форм политической коммуникации, в решении проблем адаптации к сложившейся социально-экономической и политической реальности, но нельзя оставить в стороне вопросы конструирования политических горизонтов при решении проблем инновационной эволюции, предполагающей

превращение «слуг» в граждан и «самостоятельности каждого члена общества» (И. Кант). Как в свое время заметил немецкий мыслитель, «если верховная власть издает законы, направленные прежде всего на счастье (обеспеченность граждан, увеличение населения и т.п.), то это не цель установления гражданского устройства, а только средство охранять правовое состояние главным образом от внешних врагов народа» [1. С. 283, 307]. Сколь бы ни были велики амбиции политиков и политтехнологов, обслуживающих их, исторические горизонты пространства и времени российской «современности» обнаруживаются только в процессе процедуры интеллектуального наблюдения и критической рефлексии политических коммуникаций, осуществляемых научными сообществами. Это особенно актуально для информационных потоков «электронной эпохи», блокирующих попытки «персонализации» политического знания и стимулирующих критическую рефлексивность, представляя возможность для проверки и испытания «на универсальность» любой дискурс власти. Безусловно, теоретические описания политической философии и социологии не могут стать источником мотивации для механизма принятия политических решений «здесь» и «сейчас». Однако артикуляция исторического и социального плана политики позволяет «раздвинуть» рамки политической телеологии повседневности и догматики идеологических «соотнесений с практикой» [4. С. 118–119; 5. С. 203–204]. Кроме того, именно подобного рода рефлексия позволяет поработать семантический потенциал для политических задач особого рода – оформления «педагогического импульса» (А.Ф. Филиппов) и «дидактики политического образования» (А.И. Щербинин), адекватных процессу конструирования нации-государства и гражданской нации [6, 7]. Очевидно, что такие задачи не могут быть редуцированы к поиску слоганов и брэндов для укрепления позиций господствующей политической номенклатуры.

Обращение к исследованию исторического континуума социального пространства и времени политических коммуникаций предполагает не только критический взгляд на практики политической самолегитимации, характерные для правящего класса современной России, но и сложившиеся в зарубежном и отечественном обществоведении способы интерпретации таких феноменов, как гражданское общество и гражданская культура. Значение методологии маркирования пространственно-временного континуума политических коммуникаций представляется особенно очевидным в связи с проблемами становления новых институтов публичной власти и потребностью в теоретическом осмыслении причин малой эффективности заимствованных организационных форм гражданской консолидации и рисками стратегий их легитимации. В обществах, поздно вступивших в эпоху «современности», обремененных более традиционными формами политических коммуникаций, попытки реформирования политических институтов без изменения коммуникативных оснований нередко порождают политические катастрофы.

В этих обстоятельствах способность социальных наук к критической рефлексии по отношению к сложившимся десятилетия назад исследовательским программам становления гражданского общества и гражданской культуры приобретает не только познавательную значимость, но и отчетливую социально-конструктивистскую направленность. В связи с этим автору

представляется весьма значимым анализ эпистемологических возможностей теоретической интерпретации генезиса структур гражданского общества и культуры в контексте неких субстанциональных (организационных или ценностных) оснований, а также перспективности исследовательской стратегии по выявлению культурных источников трансформации гражданских состояний в гражданское общество в связи с особенностями пространственно-временного дизайна политических практик.

В обстоятельной и достаточно репрезентативной работе американских ученых по поиску «общих рамок» понятия гражданского общества универсальность концепта связывается с процессом «сознательного создания ассоциаций», их структурирования в качестве «сферы социальной интеракции между экономикой и государством» при утверждении «реального либерально-демократического режима» [8. С. 6–9]. Однако эпистемологические схемы, основанные на посылке наличия нормативно-критического инструментария рационального прогнозирования гражданского процесса как специфического вида социальной деятельности или социальной сферы, не совпадают с «логикой» политической коммуникации в транзитивных социальных системах, конструируемой в условиях ограниченной «предсказуемости» и постоянных политических рисков. Многие современные исследователи главной проблемой институционализации гражданских институтов на постсоветском пространстве фиксируют отсутствие организационных предпосылок для становления гражданского общества, отмечая нежелание людей объединяться в группы, создавать структуры «третьего сектора». Однако не менее обоснованным представляется вывод о том, что наличие добровольных и относительно автономных самостоятельных объединений еще не дает гарантий для устойчивого существования гражданского общества. Подобно республиканскому политическому строю, оно конструируется и разрушается под влиянием политической динамики, а не только в силу содержания и качества локальной самоорганизации [9. С. 664]. Гражданское общество – не только некие структурно фиксируемые константы социальных действий, сферы общества или ценностей, но и компонент «комплексного общественного проекта», обеспечивающий смысловую структуризацию многообразных социальных элементов в зависимости от этапа исторической эволюции сложных обществ [10. С. 69–70]. Показательны теоретические дискуссии о «социальном» и «человеческом» капитале, «доверии», культурных аспектах и противоречиях становления «всемирного гражданского общества», существенно корректирующих более традиционные эпистемологические схемы гражданского общества¹. Отсылка к культурным аспектам гражданского общества сохраняет актуальность не только в политической риторике, но и научных исследованиях политических систем с относительно устойчивыми формами демократических коммуникаций. Вместе с тем, несмотря на рас-

---

¹ См., напр.: *Democracies in Flux. The Evolution of Social Capital in Contemporary Society* / Ed. by Robert D. Putnam. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2002; *Lin N. Social Capital. A Theory of Social Structure and Action*. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2001; *Trust in Society* / Ed. by Karen S. Cook. N.Y., 2001; *Keane J. Civil society: old images, new visions*. Stanford, California, 1998; *Idem. Global Civil Society?* Cambridge (UK): Cambridge Univ. Press, 2003.

пространенность, при теоретическом описании гражданского общества, апеллирующей к таким терминам, как «гражданская культура» и «ценности гражданского общества», подобная аргументация используется чаще не для выявления «культурной» специфики становления гражданского общества, а обоснования посылки о наличии его универсальных моделей и несоответствия (отсутствия) гражданских оснований в «незападных» обществах. Симптоматичны в связи с этим регулярные «волны» критики способов идеологической интерпретации ценностей «гражданских институтов» и ценностных критериев гражданского общества. Вместе с тем теоретически и методологически обоснованной аксиологии ценностного маркирования пространства «гражданского сектора» или непротиворечивых ценностно-нормативных моделей гражданской культуры в транзитивных системах не прослеживается¹.

Представляется, что отмеченные выше методологические затруднения анализа феномена «гражданственности» разрешаются более продуктивно на основе исследовательской стратегии, которую в самом общем виде можно назвать коммуникативным подходом². Символизация политической деятельности трансформирует политическую реальность в коммуникативный процесс и придает ей институциональную определенность посредством системы символических условностей – политических кодов³. Теоретически зна-

---

¹ За подобными структурами, формально обладающими признаками гражданских сообществ, могут скрываться «псевдогражданские» организации, а фиксируемая эмпирическими исследованиями «приверженность» их членов либеральным ценностям не предполагает на практике значимость чужого мнения и отрицания насильственных практик по отношению к конкурентам и публичной власти. Поэтому для адекватного объяснения проблем становления гражданского общества ряд отечественных исследователей акцентирует на приоритетность изучения специфики властных отношений, характерных для общества в целом и политической мотивации участников подобного рода ассоциаций. См., напр.: *Хлопин А.* Становление гражданского общества в России: институциональная перспектива // *Pro et Contra. Гражданское общество.* 1997. Т. 2. Осень; *Он же.* Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность // *Pro et Contra. Экология и политика.* 2002. Т. 7. Зима; *Хархордин О.* Проект Достоевского // *Pro et Contra. Гражданское общество.* 1997. Т. 2. Осень.

² В трактовке политики как коммуникативного процесса автор статьи руководствуется интеллектуальными интенциями теоретической социологии, представленными в концептуальных разработках Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, П. Бурдьё, Н. Лумана. Отечественная традиция интерпретации политической деятельности как коммуникативного, дискурсивного процесса представлена, например, в работах М.В. Ильина, А.Ф. Филиппова, В.М. Сергеева. При подобном подходе политическая коммуникация не редуцируется в своих основаниях к технологической и организационной стороне или таким отдельным процессуальным звеньям, как «сообщение» и «информация». Политика в этом теоретическом контексте предстает как система, конституирующая смысл, возникающий в процессе маркирования политических феноменов как событий, а определяющим звеном коммуникативного акта является процедура понимания (коммуникативного согласия). Смысловое фокусирование в политике реализуется посредством такого семантического конструкта, как власть («символического посредника»), символические структуры которого обладают принуждающим потенциалом трансформировать решения в действия, без чего невозможен политический процесс достижения «общеобязательных» целей.

³ В социологической литературе подобные семантические конструкты (коды) описываются как «символический экстракт культурного капитала и схемы интерпретации правил поведения» (П. Бурдьё); «медийные коды» (Н. Луман); предписания к «стратегическому поведению» («strategic conduct» – А. Гидденс); «система символических условностей, норм», предполагаю-

чимой при изучении смыслового фокусирования в процессе политических коммуникаций является посылка, что смысловое стягивание можно интерпретировать в трех горизонтах: предметном (как обосновывается специфика политической власти по отношению к иным социальным посредникам), социальном (как участники политических интеракций интерпретируют действия друг друга) и временном (как осмысливается отличие «нынешней» власти от «предшествующей» и «последующей»)¹. Политическая коммуникация, как и всякая иная, «порождает» различные временные и пространственные диапазоны в процессе продуцирования и циркуляции знания, «принуждая» как непосредственных участников политических интеракций, так и тех, кто их «наблюдает», в частности политологов, жить «во времени и пространстве».

При этом можно согласиться с доводами А.Ф. Филиппова, предложившего учитывать особенности изучения «способов коммуникации по поводу фактов», несколько переформулировав ее применительно к исследованию политических феноменов [11]. Теоретическую политологию коммуникативного процесса можно разграничить на «преимущественно» временную или пространственную в зависимости от приоритета пространственного или временного сопряжения фактов политической действительности. Можно сказать, что политологи, занимающиеся изучением динамики смыслового оформления политических коммуникаций, в горизонте времени ориентированы на исследование политической культуры, те же, кто акцентирует на предметном и социальном аспекте горизонта властных коммуникаций, ориентированы на пространственную реконструкцию. Исследование современной политической культуры – изучение процесса «понимания» (обобщения смысловых ориентаций) конституирования политических идентичностей, которые наиболее полно выявляются в проекции времени (соотнесенности с «прошлым» и «будущим») и составляют содержание

щих содержательную интерпретацию (М.В. Ильин). Посредством символического кодирования социальные агенты «классифицируют сами себя и позволяют квалифицировать» (П. Бурдьё). См., напр.: *Бурдьё П. Начала. Choses dites.* М., 1994. С. 123–128, 194, 217; *Ильин М.В. Феномен политического времени // Полис.* 2005. №3. С. 11; *Giddens A. Structuralism, Post-Structuralism and the Production of Culture // Giddens A., Turner H. (eds) Social Theory Today.* Stanford, 1987. P. 215–217; *Луман Н. Власть.* М., 2001. С. 51–94.

¹ В настоящей работе предлагаемая схема структурирования политических коммуникаций осуществляется на основе методологической посылки, что смысловое конституирование всегда осуществляется в *социальном, предметном и временном горизонте*. Под горизонтом следует понимать рамки, границы, посредством которых можно «наблюдать идентичное». Обоснование этой методологической позиции, несмотря на методологическую вариативность теоретической аргументации, достаточно полно представлено в современной социологии и философии. При этом темпоральный горизонт для концептуализации социокультурных процессов *Нового времени* рассматривается определяющим. Подобная методологическая посылка, по мнению автора, позволяет более обоснованно систематизировать теоретические проблемы, вскрыть их гносеологическую природу и решить проблему «конфликта интерпретаций», возникающих при концептуализации политико-культурных феноменов в частности. См., напр.: *Луман Н. Власть.* М.: Праксис, 2001. С. 116–125; *Он же.* Общество как социальная система. М., 2004. С. 57; *Бурдьё П. Производство веры. Вклад в экономику символических благ // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики.* М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. С. 245–247.

политической памяти¹. Наличие временных измерений у политических кодов, важнейшей составляющей коммуникативного процесса, обеспечивает непрерывность политических коммуникаций в процессе реализации решений и превращения их в действия.

Очевидно и то, что коммуникативный эффект программирования элитами динамики политических институтов в условиях современных социальных трансформаций прямо зависит от их результативности в использовании «символических ресурсов», символов и символических кодов (способов соединения символов, понятий и дискурсов), выступающих своего рода семантическими «катализаторами» социального конструирования и деконструкции политической действительности. Семантика дискурса разрушения («консервативного») («авторитарного») и перехода к «прогрессивному» («демократическому») «гражданскому состоянию», «правовому государству» сыграла существенную роль в делегитимации власти в советском обществе, самолегитимации и консолидации политической оппозиции в новый правящий класс, наследницей которого является нынешняя политическая элита.

В контексте подобных методологических установок успех социального конструирования новых, более сложных общественных институтов в значительной степени предопределяется символическим дизайном пространственно-временного континуума процедур политической легитимации. Легитимация как мотивация («оправдание», «обоснование») принимаемых политических решений является неотъемлемым компонентом коммуникативного процесса кодификации политической власти. Симптоматично, что в социологической теории процедура политической легитимации по сути есть описание символических кодов «веры» («доверия») в значимость существующих форм политических коммуникаций и «способности» («готовности») правящих элит следовать базовым символическим схемам подобного коммуникативного «консенсуса». Даже если вынести за скобки спорность утверждений, что основание процедур политической легитимации составляют символические практики обоснования «согласия» властвующих и подвластных, очевидно, что эрозия предшествующих и появление новых процедур легитимации, мотивации политических действий самым непосредственным образом влияют на динамику политической институционализации гражданских институтов.

Подобные теоретические посылки более чем очевидны применительно к исследованию политической институционализации сложного социального образования, номинируемого гражданским обществом, дискурс которого, пользуясь выражением М.В. Ильина, обеспечивает обобществление множества сообществ во времени и в пространстве («обобществление в квадрате»), опосредованное институтами различных масштабов на основе общих стандартов права и прав человека. Весьма обоснованными в связи с этим представляются выводы, которые делает названный выше ученый, обсуждая про-

---

¹ См., подробнее: *Завершинский К.Ф.* Политическая культура как способ семантического конституирования политических коммуникаций // Политическая наука: Исследования политической культуры: современное состояние. М.: ИНИОН РАН, 2006. №3. С. 38–43.

блему «освоения свобод и гражданств» и ставя вопрос об оценке степени «образцовости» отдельных национальных достижений в социальном конструировании гражданского общества и разнообразии путей, моделей его формирования. Модели, выделенные им, отличаются существенными различиями институтов и институциональных дизайнов и, соответственно, организационных моделей, обусловленных «генетикой» политической эволюции, которая в большей или меньшей мере сказывается на нынешнем функционировании соответствующих институтов. Возникает идея, что подобная политическая «генетика» в значительной степени предопределяется динамикой процедур политической легитимации.

Становление институтов и организаций, которые символически выражены посредством понятия *гражданское общество*, можно представить как оформление специфического политического коммуникативного процесса со своими символическими кодами и процедурами легитимации. Символические коды гражданского дискурса побуждают современных политиков «к неустанному совершенствованию умения жить в условиях одновременно закрытых и открытых общностей, искать способы обращения конфликтов во благо». Это породило перманентную динамику дискурса «взаимооправдания» (легитимации) институтов государства и гражданского общества [12. С. 167–169, 331–332]. В сфере коммуникативных практик гражданского общества происходит закрепление инноваций посредством обобщения многообразных импульсов признания или непризнания властвующего режима «путем предзаданного «раскачивания» между делегитимацией и легитимацией режима, которое не угрожает ни конституции, ни системе представительного правления. Благодаря легитимации происходит обобщение критики политических дискурсов и санкционирование предпочтительных политических курсов как во внутринациональных, так и в международных делах» [13].

Большинство исследователей процессов трансформации гражданских состояний в гражданское общество фиксирует, что переход к новым институтам в *Новое время* сопровождается становлением специфических процедур легитимации и самолегитимации элит, существенно повлиявших на динамику социальной консолидации [14. С. 92–107]. Смысловые структуры политических коммуникаций в эту «эпоху» начинают «тяготеть» к аксиоматике политической контрактности, что указывает на становление специфического кода политической власти («оппортунистического» – в терминологии Н. Лумана, «бинарного» или с «ненулевой суммой» – в интерпретации Дж. Александра и Ш. Эйзенштадта) [15–17]. Подобные исторические модификации кодов власти и политической легитимации предопределили институциональную инновационность «западной цивилизации» и специфический способ ее последующей политической кодификации посредством семантических ресурсов концепта «гражданское общество». Концепт гражданского общества стал семантическим резервуаром для все более сложных процедур политической легитимации, характерных для обществ, вступивших в «стадию современности», где *политическая культура* и ее историческая модификация – *гражданская культура* есть семантическая целостность (конструкт): система правил понимания, интерпретации (символических ко-

дов и схем), обеспечивающих конденсацию смысла при протекании политического процесса и конституирование политических идентичностей в горизонте исторического времени. Отсюда закономерен вывод, характерный в том или ином виде для ряда исследователей, что лучший способ понять политику современных обществ – понять культуру гражданского общества и ее символические коды [16. С. 154].

Подводя итог представленным выше теоретическим посылкам исследования эволюции политических коммуникаций, можно заключить, что в социальном пространстве обществ, ориентированных на семантическую схему распределения властного авторитета, развитие сложного смыслового комплекса, связанного с понятиями «политическое», «государственный суверенитет», «конституционализм», «правовое государство», сопутствовало становлению специфических способов политической легитимации. Подобная практика политической легитимации была семантически репрезентирована в содержании такого понятия, как *гражданское общество*, ставшего источником специфических символических кодов и схем пространственного и временного оформления политических коммуникаций. Таким образом, понятие *гражданское общество*, о чем свидетельствуют многочисленные исследования эволюции его семантического содержания, при артикуляции в публичном политическом дискурсе всегда выступает символическим «инструментом» для обоснования «предпочтительности», «цивилизованности» предлагаемых социальными акторами способов политического доминирования и распределения (перераспределения) властных полномочий для придания политическим конфликтам «приемлемой» формы разрешения¹.

Политические коды, как отмечалось выше, задают логику отбора и упорядочивания политической коммуникации, переводя политические действия властвующих акторов в осознанные решения и требуя от участников политического взаимодействия трансформировать эти политические решения в действия. Легитимность рождается из стремления обрести консенсус, но она

---

¹Представляется значимым критическое замечание, высказанное относительно доминирующей в обществоведении общей логики теоретической интерпретации политической легитимности в контексте веберовского наследия, которое ориентирует нас не столько на изучение смысла легитимности, сколько на исследование отношений между легитимностью и верой в нее (см., напр.: *Beetham D. The Legitimation of Power. Atlantic Highlands: Humanities Press International, INK, 1991. P. 11–13*). Подобное смысловое акцентирование редуцирует смысл политической легитимации преимущественно к процедуре достижения ценностно-нормативного консенсуса. Не подвергая сомнению возможность и необходимость нормативных или дескриптивных стратегий исследования легитимизирующей роли «социальных верований» и механизмов их воздействия на процесс становления гражданского общества, следует все же признать наиболее перспективной эпистемологию коммуникативного подхода, в рамках которой политическую легитимность можно представить как компонент специфического способа символического кодирования. Принимая ценностно-нормативный характер мотивации политических коммуникаций, лежащий в основе «нормализующей» функции процедуры политической легитимации, нельзя редуцировать смысл к «ценностному согласию», «вере» или «доверию». Безусловно, что символический код политической власти посредством легитимационного компонента обладает потенциалом согласования иных символических схем политического целодостижения, выступая «основанием надежных ожиданий» (Н. Луман), однако этот его потенциал всегда определяется спецификой «общеобязывающего», принуждающего характера политического целодостижения.

всегда предполагает потенциал делегитимации, что является своего рода временно-приемлемой формой принуждения. Это сохраняет свою очевидность и в процедурах легитимации, характерных для демократического, гражданского процесса, где взаимопонимание зиждется на признании, обосновании естественной конфликтности как источника роста и социальной эволюции. Мотивация политических предпочтений происходит не по некоему «согласию», искореняющему хаос произвола, а благодаря процедуре «включения-исключения» принуждения, которое номинируется легитимным или нелегитимным [18. С. 23]. С этих позиций легитимность не является понятием с «известными значениями», а служит искоренению насилия и «нелегитимного» принуждения, государственного в частности, заменяя его обоснованием более «предпочтительным», приемлемым в конкретной ситуации, – «легитимным». Тем самым легитимация может усложнять процедуры участия в урегулировании политических конфликтов, содействовать ограничению их рисков и опасностей и стимулировать политической регресс, особенно в период реформирования социума, когда происходит трансформация кодов власти и соответствующих им процедур легитимации. В связи с этим при изучении феномена легитимности и легитимации важна не только фиксация символических объектов «согласия» или констатации наличной иерархии ценностей, но и анализ того, насколько те или иные способы мотивации политических решений стимулируют переход к более сложным процедурам разрешения политических конфликтов. Смысловая модернизация политического процесса, символического кодирования происходит посредством мотивационных схем замещения насильственных форм властного «понууждения» на «более приемлемые», символические (собственно политические). При этом легитимность публичной власти, ее пространственная и темпоральная динамика существенным образом зависят от того, как правящие элиты символически актуализируют и деактуализируют значимость своих действий, реагируя на активность общества в связи с «обязывающими решениями» политических элит.

При этом понятие *политическая легитимация* характеризует важнейший компонент символического кодирования политических коммуникаций, связанный с приданием правилам характера политических решений. Легитимация представляет собой *операциональный компонент политического кодирования*, который посредством символических редуций обеспечивает фиксацию смысловых предпочтений при бинарном кодировании властных коммуникаций, трансформируя политические решения в действия. Подобная смысловая операция побуждает к действиям потому, что в ее основании лежат семантические схемы мотивации, символического замещения одних форм политического принуждения («нелегитимных») на другие («легитимные»). Индивиды, усваивая и приспособляясь к этим символическим структурам, совмещая их с уже имеющимися, превращаются в участников конструирования индивидуальных и групповых политических идентичностей. Политические идентичности и их символические проекции становятся источником формирования групповых общностей, символически очерчивая их границы. Принципиальным при коммуникативном подходе выступает анализ смысловых измерений практик легитимации, то есть того, как происходит смысло-

вое структурирование смысловых предпочтений, что позволяет представить многомерность смысловых схем процедур легитимации и более комплексно оценить их модернизационный потенциал в трех обозначенных выше смысловых горизонтах.

Изучение влияния особенностей политической легитимации как структурного компонента политического кодирования и фактора структурирования политических коммуникаций в связи с процессом становления гражданских практик и оформлением дискурса гражданского общества позволяет более отчетливо артикулировать и *культурное* измерение гражданского процесса. Феномен, номинируемый в современном языке как «гражданская культура», есть результат символического оформления политической деятельности в процессе трансформации пространства гражданского состояния в гражданское общество как исторической фазы обобществления человеческих сообществ. Гражданскую культуру можно представить как семантическую целостность (конструкт), включающую символические коды и схемы правил понимания и интерпретаций, которые обеспечивают *непрерывность* политических коммуникаций в условиях сложнофункциональных обществ. Символические коды и мотивационные схемы, «гражданская культура» составляют смысловое ядро дискурса гражданского общества. Для политического процесса в гражданском обществе характерны «оппортунистические» коды политической власти с соответствующими процедурами легитимации, мотивации «общеобязывающих» политических решений.

Политическая легитимация, характерная для культуры гражданского общества, стимулирует мотивационные схемы ограничения политических конфликтов и насильственных практик посредством конструирования и расширения переговорных практик. Семантические схемы мотивации, побуждения к политическим действиям оформляются в темпоральном, предметном и социальном горизонте коммуникаций. Для легитимации в гражданском обществе характерен приоритет символического конструирования в темпоральном горизонте современности¹. Обозначенная методологическая стратегия позволяет менее стереотипно интерпретировать процессы, происходящие ныне в российском социуме и постсоветском пространстве. Их можно рассматривать не только в контексте «демократических волн» или их

---

¹ В связи с этим более реалистическими и продуктивными автору представляются теоретические модели интерпретации становления пространства гражданского общества и гражданской культуры, которые исходят из идеи, что важно не акцентировать на формальных или нормативных критериях наличия гражданского общества, а рассматривать его как «совокупность ненасильственных методов, с помощью которых люди стремятся реализовать свой коллективный суверенитет по отношению к государству» (*Грин С.А. Государство и общественный суверенитет // Pro et Contra. 2006. Т. 10, № 1 (31)*). Гражданское общество, как обоснованно замечает цитируемый автор, формируется в ответ на конкретные решения власти, а не по нормативному образцу или в стремлении к универсальным ценностям. Гражданское общество, особенно в реалиях современных коммуникаций, – это не статический объект, «не заканчивающийся проект», а движение, связанное с борьбой за плюрализацию власти и гражданское, «мирное» обуздание возникающего при этом насилия (*Keane J. Global Civil Society? Cambridge (UK): Cambridge Univ. Press, 2003. P. 8*). В этом случае более очевидной становится реальная взаимосвязь между «государством» и «гражданским обществом», обусловленная динамикой реализации политического суверенитета и процессами легитимации и делегитимации.

«откатов», а как попытку социокультурного конструирования новых форм политической легитимации и политической идентичности. Приведет ли этот процесс к оформлению «оппортунистических» кодов и символических структур «гражданской культуры», однозначно прогнозировать нельзя. Открытым при этом остается и вопрос, насколько российские политические элиты готовы к подобной коммуникативной эволюции. В легитимирующих дискурсах современной политической элиты весьма отчетливо прослеживаются семантические схемы, блокирующие процесс эволюции гражданского состояния в гражданское общество с соответствующей «политической памятью». Специфика государственного суверенитета весьма часто обосновывается в контексте семантической схемы «связи части с целым», сопровождающейся срывами в бюрократический произвол, мотивация «политического единства» стимулирует ксенофобии, а политическое время продолжает отсчитываться с «назначения первого лица». Вместе с тем процесс принятия политических решений с использованием современных медийных технологий и коммуникативных продуктов ставит политические элиты перед необходимостью усложнения политической коммуникации власти с обществом.

В заключение уместно вновь напомнить о весьма современной мысли интеллектуального творца проекта Просвещения, что наблюдать за трагедией, как человек борется с «невзгодами» и «искушениями» рабского состояния, может быть «трогательно» и «поучительно», но «занавес должен в конце концов упасть», и «если трагедия затягивается, она превращается в фарс; и хотя бы актеры не устали, потому что они шуты, но устает зритель, которому довольно одного-двух актов, чтобы с полным основанием заключить, что эта никогда не оканчивающаяся пьеса есть вечное повторение одного и того же» [1. С. 335–337]. И все же есть основания для надежды, что «наказание порока», которое неизбежно наступает после плохого политического спектакля, для актеров и зрителей будет носить не насильственный, а гражданско-правовой характер, а пьеса о трансформации гражданского состояния в гражданскую культуру будет иметь продолжение.

Литература

1. *Кант И.* О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Соч.: В 4 т. (на нем. и русск. языках). Т. 1. Трактаты и статьи. М.: Изд. фирма АО «Ками», 1993. С. 238–313.
2. *Путин В.В.* О стратегии развития России до 2020 года. Выступление на расширенном заседании Государственного совета. Москва, Кремль. 8 февраля 2008 года. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>
3. *Медведев Д.* Стенограмма выступления кандидата в Президенты РФ, первого заместителя председателя Правительства России Дмитрия Медведева на V Красноярском экономическом форуме. 15.02.2008. Режим доступа: <http://www.edinros.ru>
4. *Рикер П.* Справедливое. М.: Логос; Гнозис, 2005. 304 с.
5. *Луман Н.* Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. М., 1991. С. 194–216.
6. *Филиппов А.Ф.* Российское государство сегодня правильное всего было бы понимать как империю, находящуюся в состоянии распада. Экстратекст. Второй выпуск (часть 9). Август 2007. Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/extratext>
7. *Щербинин А.И.* Вхождение в политический мир (Теоретико-методологические основания политической дидактики) // Полис. 1996. С. 136–145.

8. Козн Джин Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003. 784 с.
9. Mouritsen P. What's the civil society? // Political studies: 2003. Vol. 51. P. 650–668.
10. Koska J. Civil society from a historical perspective // European Review. 2004. Vol. 12, №1. С. 65–79.
11. Филиппов А.Ф. Перспективы теоретической социологии. Режим доступа: <http://www.sociolog.net/filippov.html>.
12. Ильин М.В. Слова и смыслы. М.: РОССПЭН, 1997. 432 с.
13. Ильин М.В. Понятийная оноmia: конституции и режимы. Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2007/5/12.htm>
14. Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. 1. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 331 с.
15. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.
16. Alexander J. C. The meanings of social life: a cultural sociology. N.Y., 2003.
17. Eisenstadt S.N. Paradoxes of democracy. Washington, 1999.
18. Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005. 256 с.